

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 328.185

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-362-371>

EDN BGGARW

Шифр научной специальности 5.1.2

Конфликт интересов в сфере антикоррупционного комплаенса: природа, ограничения и контроль

Наталья Витальевна Ковалева^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

109542, Российская Федерация, г. Москва, просп. Рязанский, 99

²ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России»

125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8

 doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию конфликта интересов как самостоятельного элемента системы антикоррупционного комплаенса и одного из наиболее значимых правовых инструментов раннего предупреждения коррупционных рисков. Рассмотрена легальная конструкция конфликта интересов, закрепленная в российском законодательстве, раскрыто содержание категории личной заинтересованности, проанализированы ограничения, обязанности и процедуры, направленные на предотвращение и урегулирование подобных ситуаций. Особое внимание уделено соотношению нормативного регулирования и внутренних механизмов контроля в организации, включая порядок уведомления, документирование, внутреннюю проверку, самоотвод, изменение должностного положения и иные меры, способные исключить влияние частного интереса на принимаемое решение. Показано, что практическая эффективность антикоррупционного комплаенса определяется не только наличием формальных запретов, но и качеством локальных актов, встроенностью контрольных процедур в кадровые, закупочные и договорные процессы, а также возможностью последующей проверки добросовестности действий организации. Отдельно исследована связь конфликта интересов с корпоративно-правовыми механизмами, прежде всего со сделками, в совершении которых имеется заинтересованность, и с судебными подходами к оценке нераскрытой заинтересованности руководителя. Обоснован вывод о том, что конфликт интересов следует рассматривать как особый правовой режим контроля, а развитие процедур его выявления и урегулирования имеет ключевое значение для совершенствования современной антикоррупционной политики.

Ключевые слова

конфликт интересов, антикоррупционный комплаенс, личная заинтересованность, внутренний контроль, предупреждение коррупции, сделки с заинтересованностью

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

Н.В. Ковалева – формулирование идеи и концепции исследования, сбор и анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Ковалева Н.В. Конфликт интересов в сфере антикоррупционного комплаенса: природа, ограничения и контроль // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 362-371. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-362-371>, <https://elibrary.ru/bggarw>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-362-371>

EDN BGGARW

OECD 5.05; ASJC 3308

Conflict of interest in anti-corruption compliance: nature, restrictions, and control

Natalya V. Kovaleva^{1,2}

¹State University of Management

99 Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russian Federation

²Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskiy St., Moscow, 125993, Russian Federation

 doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Abstract

The conflict of interest is studied as an independent element of the anti-corruption compliance system and one of the most significant legal instruments for early prevention of corruption risks. The legal construction of a conflict of interest, fixed in Russian legislation, is examined, the content of the category of personal interest is revealed, restrictions, duties and procedures aimed at preventing and resolving such situations are analyzed. Special attention is paid to the relationship between regulatory regulation and internal control mechanisms in the organization, including the notification procedure, documentation, internal audit, recusal, change of official position and other measures that can exclude the influence of private interest on the decision. It is shown that the practical effectiveness of anti-corruption compliance is determined not only by the presence of formal prohibitions, but also by the quality of local acts, the integration of control procedures into personnel, procurement and contractual processes, as well as the possibility of subsequent verification of the integrity of the organization's actions. Separately, the relationship of conflict of interest with corporate legal mechanisms, primarily with related-party transactions and with judicial approaches to assessing the undisclosed interest of the head, is investigated. The conclusion is substantiated that conflict of interest should be considered as a special legal control regime, and the development of procedures for its identification and resolution is of key importance for improving modern anti-corruption policy.

Keywords

conflict of interest, anti-corruption compliance, personal interest, internal control, corruption prevention, related party transactions

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

N.V. Kovaleva – formulation of research ideas and concepts, collection and analysis of scientific literature, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflicts of interest.

For citation

Kovaleva, N.V. (2026). Conflict of interest in anti-corruption compliance: nature, restrictions, and control. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 362-371. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-362-371>, <https://elibrary.ru/bggarw>

Введение

Коррупционный риск в современной организации все чаще возникает на стадии подготовки решения, распределения полномочий, выбора контрагента, согласования платежа или доступа к информации. Именно поэтому конфликт интересов занимает центральное место в антикоррупционном комплаенсе. Через него право и внутриорганизационный контроль получают возможность воздействовать на ситуацию до совершения правонарушения, когда личная заинтересованность уже способна исказить объективность, но еще поддается выявлению, фиксации и управленческому урегулированию.

В исследовании были использованы как общенаучные, так и специальные юридические методы. Формально-юридический метод в определенной мере позволил интерпретировать положения нормативных правовых актов, где установлены признаки конфликта интересов. Системно-структурный подход способствовал анализу понятийных конструкций в исследуемой сфере общественных отношений. В необходимой мере был применен и межотраслевой подход, учитывая, что конфликт интересов может возникать в правоотношениях, упорядочиваемых нормами из различных отраслей законодательства. Нормативный метод применен при анализе существующих источников права, где на законодательном уровне установлены критерии, позволяющие идентифицировать условия возникновения конфликта интересов.

Обсуждение. Результаты исследования

Легальная конструкция конфликта интересов в российском праве строится как категория предупредительного характера. В статье 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее по тексту – Закон о противодействии коррупции) он определяется через ситуацию, при которой личная заинтересованность, прямая или косвенная, влияет либо может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение должностных обязанностей¹. Формула «мо-

жет повлиять» показывает, что законодатель связывает правовое значение не только с реальным и доказанным искажением решения, но и с риском такого искажения. В научной литературе обращается внимание и на то, что действующее легальное определение конфликта интересов сохраняет высокую степень оценочности, из-за чего его применение требует дополнительных ориентиров для правоприменителя [1; 2]. По этой причине конфликт интересов следует рассматривать как самостоятельный объект антикоррупционного регулирования [3].

Правовое значение имеет также конфигурация связей, через которые принятое решение может принести преимущество заинтересованному лицу или связанным с ним субъектам. Статья 10 Закона о противодействии коррупции раскрывает личную заинтересованность через возможность получения доходов, имущества, имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод самим лицом, его близкими родственниками, а также гражданами или организациями, с которыми оно связано имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями. Для антикоррупционного комплаенса это означает, что предметом контроля выступает как собственное участие работника в сделке, так и косвенные каналы влияния, при которых формальный выгодоприобретатель находится за пределами должностной позиции.

Эта конструкция позволяет сделать прикладной вывод, что внутренние процедуры не могут ограничиваться проверкой только прямой аффилированности. Они должны охватывать ситуации, в которых решение улучшает положение лица, связанного с работником семейными, корпоративными, имущественными или иными устойчивыми отношениями. Такой подход соответствует и логике методических материалов Минтруда России, где конфликт интересов рассматривается как оценочная категория, требующая анализа конкретной ситуации, а не формального сопоставления должности и статус-

¹ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СПС «Консультант

Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.01.2026).

са лица². Далее эти рекомендации будут неоднократно упоминаться.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Дополнительную определенность в понимание пределов конфликта интересов внес Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 26 декабря 2025 г. № 51-П. Суд указал, что законодательство допускает неисчерпывающий перечень мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, а оценка конкретной ситуации должна учитывать характер полномочий, способ участия лица в принятии решения и иные значимые обстоятельства. Тем самым был подтвержден профилактический характер института и одновременно обозначена недопустимость его механического применения³.

В большинстве случаев совершенное коррупционное правонарушение предполагает ретроспективную оценку деяния и применение санкции. Конфликт интересов относится к иной плоскости: он фиксирует состояние повышенной уязвимости решения, при котором личная, семейная, имущественная, корпоративная либо иная близкая связь получает значение для служебного усмотрения [4]. Поэтому в центре внимания оказываются в том числе такие процедуры, как уведомление, проверка, отвод, передача контроля другому должностному лицу, документирование принятых мер. Институт конфликта интересов находится на стыке правовых и этических регуляторов, однако его практическая ценность раскрывается именно там, где этика получает процедурную форму и становится проверяемой по документам [5].

Российская модель предупреждения конфликта интересов опирается на не-

сколько взаимосвязанных блоков ограничений. *Первый* связан с прозрачностью имущественного положения. Статья 8 Закона о противодействии коррупции закрепляет обязанность представления сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. Этот механизм дополняется контролем расходов по Федеральному закону от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ, что позволяет сопоставлять формально представленные сведения с реальным имущественным профилем лица⁴. *Второй блок* выражен в специальных запретах, включая установленный статьей 7.1 Закона о противодействии коррупции запрет для определенных категорий лиц иметь счета и иностранные финансовые инструменты за пределами Российской Федерации. *Третий блок* составляют постслужебные ограничения, предусмотренные статьей 12 Закона о противодействии коррупции. Они направлены на предотвращение ситуаций, при которых лицо, завершившее исполнение публичных полномочий, использует полученные служебные связи, информацию или влияние для извлечения частной выгоды при трудоустройстве в организациях, деятельность которых была связана с его прежними полномочиями.

Ограничения, адресованные субъекту конфликта интересов, приобретают практическое значение только в сочетании с процедурой их выявления [6]. Статья 11 Закона о противодействии коррупции возлагает на лицо, указанное в части 1 статьи 10, две самостоятельные обязанности: принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов и уведомлять представителя нанимателя, работодателя либо иное уполномоченное лицо о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения сразу после того, как об этом стало известно. Норма прямо учитывает и специальные порядки, действующие в Банке России, государственных корпорациях, публично-правовых компаниях, государственных внебюджетных фондах и иных организациях, созданных

² О Методических рекомендациях по вопросам организации антикоррупционной работы: Письмо Минтруда России от 17.06.2019 № 18-2/10/В-4646 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.01.2026).

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.12.2025 № 51-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» и законодательства о местном самоуправлении» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.01.2026).

⁴ О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.01.2026).

Российской Федерацией на основании федеральных законов. Это показывает, что процедурная модель конфликта интересов все отчетливее распространяется за пределы классической государственной службы.

Соответствующая обязанность возникает и у работодателя либо иного уполномоченного субъекта. Если им стало известно о личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, они обязаны принять меры по его предотвращению или урегулированию. Закон прямо называет изменение должностного или служебного положения, отстранение от исполнения обязанностей, отказ от выгоды, отвод и самоотвод, но не ограничивается только этими вариантами. Как уже отмечалось, Конституционный Суд в Постановлении № 51-П указал на неисчерпывающий характер такого перечня. Для комплаенса это означает, что значение имеет не формальное следование универсальной модели реагирования, а применение меры, которая в конкретной организационной ситуации действительно устраняет влияние заинтересованности на принимаемое решение.

Конфликт интересов и институт утраты доверия

Именно на этой стадии конфликт интересов получает правовое продолжение в институте утраты доверия. Непринятие должностным лицом мер по его предотвращению или урегулированию является основанием для увольнения в предусмотренных законом случаях, при этом сведения о таком лице включаются в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, порядок ведения которого установлен постановлением Правительства РФ от 5 марта 2018 г. № 228⁵. Реестр выполняет не только учетную, но и контрольную функцию: кадровое решение получает значение для последующих проверок и оценок благонадежности при новом назначении. В правовом смысле это означает, что неурегулированный конфликт интересов рассматривается как длительный негативный юридический факт. Существенное организаци-

онное значение в этой системе сохраняет и Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 2023 г. № 368, определяющий полномочия Управления делами Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции⁶.

Нормативная конструкция еще не в полной мере устранила всех проблем правоприменения. Сохраняются сложности толкования круга лиц, обязанных принимать меры по предотвращению конфликта интересов, трудности доказывания косвенной и нематериальной заинтересованности, а также необходимость более точной работы с категориями близких связей и мнимого конфликта интересов [7]. Для комплаенса эта проблема имеет прикладной характер, так как чрезмерно абстрактная формула ослабляет качество внутренней проверки, а слишком узкая оставляет вне контроля значимую часть реальных рисков, связанных с дружескими, семейными и корпоративными связями.

Предупреждение конфликта интересов становится эффективным только тогда, когда у организации существует понятный алгоритм действий с момента появления риска [8]. Статья 11 Закона о противодействии коррупции исходит из обязанности лица принимать меры по недопущению конфликта интересов и уведомлять о возникшей либо потенциальной ситуации сразу после того, как она стала ему известна. Закон допускает разные способы урегулирования, включая изменение должностного или служебного положения, отстранение от исполнения обязанностей, отказ от выгоды, а также иные меры, позволяющие исключить влияние личного интереса на принимаемое решение.

Роль локальных нормативных правовых актов

В этой связи ключевое значение приобретают локальные нормативные правовые акты. Политика по конфликту интересов должна описывать круг типовых ситуаций, порядок раскрытия сведений, критерии су-

⁵ О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия: Постановление Правительства Российской Федерации от 05.03.2018 № 228 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.01.2026).

⁶ Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции: Указ Президента Российской Федерации от 23.05.2023 № 368 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.01.2026).

щественности связи, правила самоотвода, уровни эскалации и требования к документированию. Недостаточно закрепить абстрактную обязанность сообщать о конфликте интересов – необходимо определить, кому именно сообщается информация, в какой форме она проверяется, кто принимает итоговое решение и каким образом оно фиксируется. Без этой процессуальной части антикоррупционный комплаенс утрачивает доказуемость и превращается в декларацию добросовестности. Неопределенность критериев объективности и беспристрастности усиливает значение профилактических мер внутри организации, включая обучение, разъяснение обязанностей и разбор типичных ситуаций конфликта интересов [9].

Стоит отметить, что действенность внутренних процедур определяется их встроенностью в реальные бизнес-процессы, а не количеством принятых локальных документов. Такое построение внутреннего контроля имеет и общетеоретическое основание. В условиях усложнения социальной организации возрастает значение технико-юридического регулирования, выражающегося в детализации содержания правоотношения [10]. Это может происходить в структуре рассматриваемых правоотношений и через специальные процедуры, сроки, компетенции и формы фиксации результата. Применительно к конфликту интересов это означает перевод антикоррупционных требований в проверяемый порядок действий, снижающий зависимость решения от неформального влияния.

Для организации наиболее продуктивной является постоянная процедура выявления и сопровождения риска. Так, Методические рекомендации Минтруда России по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции прямо ориентированы на формирование единого подхода к профилактике коррупции независимо от формы собственности, организационно-правовой формы и отраслевой специфики. В этом подходе конфликт интересов занимает место одного из постоянных объектов внутреннего контроля.

Практически это означает необходимость выстроить последовательную процедуру: получение уведомления, его регистра-

цию, предварительную проверку, определение ответственного подразделения или должностного лица, принятие решения по существу и последующий контроль исполнения. Минтруд России размещает типовые формы документов, включая форму уведомления о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения. Следовательно, правоприменение уже исходит из того, что конфликт интересов должен быть не просто назван, а переведен в документированную процедуру, пригодную для последующей проверки.

В организационной практике особую роль играют регулярное обучение работников, периодическое анкетирование, проверка аффилированности контрагентов и мониторинг повторяющихся зон риска. Конфликт интересов редко проявляется как единичный и полностью изолированный случай. Значительно чаще он обнаруживается в совокупности косвенных признаков: постоянное привлечение одних и тех же посредников, участие связанных лиц в закупочных процедурах, необъяснимые исключения из общих правил согласования, концентрация решений у одного сотрудника, закрытость информации о бенефициарах контрагента. Именно поэтому статья 13.3 Закона о противодействии коррупции связывает обязанность организаций по предупреждению коррупции с определением ответственных лиц, принятием кодекса этики, внедрением стандартов добросовестной работы и предотвращением конфликта интересов как самостоятельным элементом корпоративной политики.

В современных организационных процессах конфликт интересов осложняется тем, что структура соответствующих правоотношений становится менее прозрачной: расширяется круг фактически вовлеченных лиц, возрастает роль посреднических и цифровых звеньев, затрудняется выявление субъекта, реально влияющего на подготовку и принятие решения. Это повышает значение внутренней регламентации, позволяющей заранее определить участников процедуры, объем их полномочий и пределы ответственности [11; 12].

С практической точки зрения комплаенс в этой части выполняет двойную функцию:

он снижает вероятность принятия искаженных управленческих решений и одновременно формирует доказательственную базу добросовестности самой организации. Для работодателя имеет значение возможность показать, что риск был идентифицирован заранее, заинтересованное лицо отстранено от участия в решении, проверка проведена уполномоченным подразделением, а итоговое распоряжение мотивировано и зафиксировано. В противном случае конфликт интересов легко переходит из зоны внутреннего риска в основание для кадровых, административных и репутационных последствий.

Антикоррупционный комплаенс и корпоративное управление

Для частноправовой сферы наибольшее значение имеет соединение антикоррупционного комплаенса с институтами корпоративного управления. Наиболее прикладное значение здесь имеет статья 45 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», регулирующая сделки, в совершении которых имеется заинтересованность⁷. Норма обязывает общество уведомлять незаинтересованных участников, а при наличии совета директоров – и незаинтересованных членов совета директоров, о сделках с заинтересованностью.

Закон предусматривает возможность получения предварительного согласия на такую сделку по требованию управомоченных лиц, определяет порядок принятия решения незаинтересованными участниками или директорами и устанавливает специальные последствия совершения сделки без согласия. При этом сама сделка не требует обязательного предварительного согласия во всех случаях, а отсутствие такого согласия само по себе не влечет ее недействительность. Для антикоррупционного комплаенса эта конструкция важна потому, что она придает конфликту интересов процессуально определенную корпоративную форму. В результате конфликт интересов перестает быть сугубо внутренней оценкой комплаенс-подразделения и становится юридически значимым фактом внутри корпоративной

процедуры. Это особенно важно в случаях, когда личная заинтересованность маскируется под деловую целесообразность сделки или под обычную договорную работу.

Судебные правовые позиции

Роль нераскрытого конфликта интересов существенно усилила судебная практика. В обзоре практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 ГК РФ, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июля 2025 г., прямо сформулирована позиция о том, что если сделка совершена руководителем хозяйственного общества в условиях конфликта интересов, который не был им раскрыт перед участниками общества или членами совета директоров, презюмируется, что причиненные обществу убытки возникли именно в связи с такими действиями руководителя⁸. Тем самым нераскрытый конфликт интересов получает самостоятельное доказательственное значение в корпоративном споре и влияет на распределение бремени доказывания.

Не менее показателен и обратный подход, выраженный в том же обзоре Президиума Верховного Суда: если руководитель раскрыл заинтересованность в совершении сделки, он презюмируется действовавшим в интересах юридического лица, пока иное не будет доказано истцом. Таким образом, юридически значимой становится не только оценка последствий уже совершенной сделки, но и качество процедуры до ее совершения. Важно является то – было ли раскрытие своевременным, доведена ли информация до компетентного органа, имелась ли возможность принять информированное решение, подтверждены ли рыночные условия и экономическая обоснованность. В этом смысле корпоративный контроль и антикоррупционный комплаенс работают в одном направлении.

⁷ Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.01.2026).

⁸ Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.01.2026).

Заключение

На практике корпоративная политика по конфликту интересов должна быть прямо связана с процедурами договорной и закупочной работы. Внутренние акты организации целесообразно оформлять так, чтобы они охватывали порядок раскрытия заинтересованности, реестр соответствующих раскрытий, отвод заинтересованного работника от подготовки и согласования сделки, проверку цены и контрагента, а также фиксацию мотивов принятого решения. Именно на этом уровне антикоррупционная программа получает юридически проверяемое содержание.

Практически значимым представляется связывание контроля конфликта интересов с кадровыми и организационными изменениями внутри компании. Раскрытие личной заинтересованности целесообразно делать обязательным при назначении на должность, расширении полномочий, включении в закупочные и согласовательные процедуры, допуске к выбору контрагентов, изменении состава аффилированных или подконтрольных лиц. Такой подход позволяет выявлять конфликт интересов в момент увеличения риска, а не после принятия спорного реше-

ния, переводя внутренний контроль от формального учета сведений к комплексной модели проверки.

Конфликт интересов в сфере антикоррупционного комплаенса следует рассматривать как самостоятельный правовой механизм раннего воздействия на коррупционный риск. Его нормативное ядро в российском праве образуют статьи 10, 11 и 13.3 Закона о противодействии коррупции, однако реальная эффективность этого института раскрывается только в сочетании с процедурой уведомления, внутренней проверкой, кадровыми последствиями и корпоративно-правовыми фильтрами заинтересованности. По этой причине качество антикоррупционного комплаенса определяется способностью организации своевременно выявить личную заинтересованность, исключить влияние заинтересованного лица на решение и подтвердить добросовестность принятых мер по документам.

Столь многогранная и актуальная тематика конфликта интересов в сфере антикоррупционного комплаенса должна стать предметом дальнейших комплексных исследований в целях совершенствования действующего законодательства Российской Федерации.

Список источников

1. *Костенко Я.В.* Понятие и сущность конфликта интересов на государственной гражданской службе // Научный альманах. 2025. № 8-1(130). С. 58-60. <https://elibrary.ru/btvshx>
2. *Старицына Д.А.* Понимание конфликта интересов в российском праве // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2024. № 1 (32). С. 107-113. <https://elibrary.ru/bvnpqx>
3. *Советкина А.А.* Конфликт интересов как предпосылка совершения коррупционных правонарушений на государственной службе // Молодежь Сибири – науке России: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Красноярск: Сибир. ин-т бизнеса, управления и психологии, 2025. С. 232-237. <https://elibrary.ru/bfcsxg>
4. *Дубчак А.А.* Конфликт интересов как юридическое правонарушение // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: сб. ст. по результатам IV Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь, 2025. С. 356-361. <https://elibrary.ru/oygjbj>
5. *Хабриева Т.Я., Капустин А.Я., Габов А.В., Черногор Н.Н.* Конфликт интересов: природа, предупреждение, социальное регулирование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3 (70). С. 5-12. <https://elibrary.ru/uvjbzi>
6. *Пулова Е.В.* Конфликт интересов на государственной службе // Кооперация науки и общества как инструмент модернизации инновационного развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Самара: РИЦ МГПУ, 2024. С. 133-137. <https://elibrary.ru/uwewjj>
7. *Костина Е.Р.* Проблема конфликта интересов в международном и российском антикоррупционном законодательстве: пути развития и перспективы // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 3 (27). С. 283-291. <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2021-7-3-283-290>, <https://elibrary.ru/inncek>
8. *Рязанцева Е.Г.* Проблемы выявления и разрешения конфликта интересов на государственной службе // Молодежь Сибири – науке России: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию

- Победы в Великой Отечественной войне. Красноярск: Сибир. ин-т бизнеса, управления и психологии, 2025. С. 198-202. <https://elibrary.ru/zcwqzs>
9. Лихо Ю.Л. Институт конфликта интересов на государственной службе // Проблемы управления социальными и экономическими системами в современной России: сб. науч. ст. Ульяновск: Изд-во «Зебра», 2024. С. 217-222. <https://elibrary.ru/kpmxup>
10. Ковалева Н.В. Социальное и технико-юридическое регулирование в обществе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86). С. 18-24. <https://elibrary.ru/kokzab>
11. Ковалева Н.В. Изменение в структуре правоотношений как фактор социальных опасностей в эпоху современных трансформаций // Преступность. Общество. Безопасность: сб. науч. ст. по материалам Междунар. форума и материалам Междунар. науч.-практ. конф. (к 100-летию со дня рождения профессора С.В. Бородина) и круглого стола. Москва: Академия управления МВД России, 2024. С. 82-86. <https://elibrary.ru/fginon>
12. Ковалева Н.В., Жук А.П. Заключение договоров с использованием электронной цифровой подписи по законодательству Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 2(63). С. 62-69. <https://doi.org/10.61260/2074-1626-2024-2-62-69>, <https://elibrary.ru/bhpgdb>

References

1. Kostenko Ya.V. (2025). The concept and essence of conflict of interest in the state civil service. *Nauchnyi al'manakh = Scientific Almanac*, no. 8-1 (130), pp. 58-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/btvshx>
2. Staritsyna D.A. (2024). Understanding conflict of interest in Russian law. *Ekonomicheskoe pravosudie na Dal'nem Vostoke Rossii = Economic Justice in the Russian Far East*, no. 1 (32), pp. 107-113. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bvnpqx>
3. Sovetkina A.A. (2025). Conflict of interest as a prerequisite for committing corruption offenses in public service. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine «Molodezh' Sibiri – nauke Rossii» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War “Youth of Siberia – Science of Russia”*. Krasnoyarsk, Siberian Institute of Business, Management and Psychology Publ., pp. 232-237. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bfcsxg>
4. Dubchak A.A. (2025). Conflict of interest as a legal offense. *Sbornik statei po rezul'tatam 4 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Okhrana i zashchita prav i zakonnykh interesov v sovremennom prave» = Collection of Articles Based on the Results of the 4th International Scientific and Practical Conference “Protection and Protection of Law and Legitimate Interests in Modern Law”*. Simferopol, pp. 356-361. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oygjbj>
5. Khabrieva T.Ya., Kapustin A.Ya., Gabov A.V., Chernogor N.N. (2018). Conflict of interest: nature, prevention, social regulation. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, no. 3 (70), pp. 5-12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uvjbzi>
6. Pulova E.V. (2024). Conflict of interest in public service. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Kooperatsiya nauki i obshchestva kak instrument modernizatsii innovatsionnogo razvitiya» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Cooperation between Science and Society as a Tool for Modernization of Innovative Development”*. Saransk, Editorial and Publishing Center of Moscow City Pedagogical University Publ., pp. 133-137. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uwewjj>
7. Kostina E.R. (2021). Conflict of interest in international and Russian anti-corruption legislation: development ways and prospects. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki = Vestnik of Mari State University. Chapter: History. Law*, vol. 7, no. 3 (27), pp. 283-291. (In Russ.) <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2021-7-3-283-290>, <https://elibrary.ru/inncek>
8. Ryazantseva E.G. (2025). Problems of identifying and resolving conflicts of interest in the civil service. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine «Molodezh' Sibiri – nauke Rossii» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War “Youth of Siberia – Science of Russia”*. Krasnoyarsk, Siberian Institute of Business, Management and Psychology Publ., pp. 198-202. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zcwqzs>
9. Likho Yu.L. (2024). Conflict of interest during the period of state service. *Sbornik nauchnykh statei «Problemy upravleniya sotsial'nymi i ekonomicheskimi sistemami v sovremennoi Rossii» = Collection of Scientific Proceedings “Problems of Management of Social and Economic Systems in Modern Russia”*. Ulyanovsk, Zebra Publ., pp. 217-222. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kpmxup>

10. Kovaleva N.V. (2019). Social, technical and legal regulation in society. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* = *Bulletin of Ufa Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 4 (86), pp. 18-24. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kokzab>
11. Kovaleva N.V. (2024). Changes in the structure of legal relations as a factor of social dangers in the era of modern transformations. *Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnogo foruma i materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora S.V. Borodina) i kruglogo stola «Prestupnost'. Obshchestvo. Bezopasnost'»: v 2 ch* = *Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Forum and the International Scientific and Practical Conference (Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Professor S.V. Borodin) and the Round Table "Crime. Society. Security"*. Moscow, Academy of Management of Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., pp. 82-86. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fginon>
12. Kovaleva N.V., Zhuk A.P. (2024). Electronic contracting using an electronic signature under the legislation of the Russian Federation. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychaynye situatsii* = *Right. Safety. Emergency Situations*, no. 2 (63), pp. 62-69. (In Russ.) <https://doi.org/10.61260/2074-1626-2024-2-62-69>, <https://elibrary.ru/bhpgdb>

Информация об авторе

Ковалева Наталья Васильевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления, Государственный университет управления; главный научный сотрудник, Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: [7445-8801](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), РИНЦ AuthorID: [581160](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), ResearcherID: [XMB-2715-2023](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), Scopus Author ID: [57211466869](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), [https://orcid.org/0000-0003-2982-871X](mailto:doktor.kovaleva.nv@yandex.ru), doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Information about the author

Natalya V. Kovaleva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Public Law and Legal Support of Management Department, State University of Management; Chief Researcher, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, SPIN-code: [7445-8801](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), RSCI AuthorID: [581160](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), ResearcherID: [XMB-2715-2023](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), Scopus Author ID: [57211466869](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), <https://orcid.org/0000-0003-2982-871X>, doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 28.03.2026

Поступила после рецензирования / Revised 12.05.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026